

Константинова Алла Юрьевна

канд. филол. наук, доцент, профессор
ФГБОУ ВО «Государственный институт
русского языка им. А.С. Пушкина»

г. Москва

DOI 10.21661/r-466611

ТЕЛЕДИСКУРС В АСПЕКТЕ НОРМАЛИЗАЦИИ РУССКОЙ РЕЧИ

***Аннотация:** в статье рассматривается современный этап нормализации русского языка и русской речи. Автором ставится вопрос о степени влияния теледискурса на языковое употребление. Обсуждаются типы ошибок, навязываемых русскоязычному социуму с экрана, а также альтернатива в выборе языкового стандарта.*

***Ключевые слова:** речевые нормы, языковые нормы, ошибки, зона неразличения, теледискурс, выбор типа нормализации.*

В середине 90-х годов 20-го столетия языковая рефлексия русскоязычного социума на фоне социально-экономических изменений и сопровождающих их изменений языковой ситуации проявила себя с особенно значительной силой и перешла на уровень горячей общественной дискуссии о мерах по сохранению «гибнущего» языка. В эту дискуссию тогда включились 18 ведущих специалистов в области русского языка. В заочной почтовой дискуссии о состоянии современного русского языка участвовали хорошо известные общественности ученые, такие как Ю.Н. Караулов, Е.А. Земская, В.Г. Гак, Ю.Д. Апресян, Е.Н. Ширяев, В.В. Колесов, М.В. Панов.

Теоретики языка успокоили рядовых носителей русского языка утверждениями о том, что язык объективен, а значит, никакая речевая и коммуникативная «грязь» не в состоянии его испортить, что он представляет собой самоочищающуюся систему и фильтр, что человек воздействует на него только опосредованно и т. д. [1, с. 48–57].

Прошло более 20-ти лет. И вопросы объективности языковых изменений, возможностей и силы воздействия экстралингвистических факторов, на языковые подсистемы, возникает опять, теперь уже в глобальном контексте информационного общества.

Выясняется, что некоторые наши научные представления уже нуждаются если не в пересмотре, то в коррекции. Так из постулата об объективной природе языковой нормы и способности языковой системы к самоочищению прямо не следует одинаковая устойчивость подсистем языка к агрессивному и постоянному воздействию извне.

Процессы нормализации и кодификации языка оказываются сложнее и противоречивее, чем это представлялось в начале изменения языковой ситуации в современной России. Экстралингвистические факторы действуют на языковую систему русского языка тоже с разной силой и разным успехом. Иначе говоря, объективность языковой нормы оказывается не абсолютной, как и не абсолютно верно утверждение о непроницаемости языковой системы для коммуникативной контрабанды ненормативных употреблений языковых единиц.

Особая роль в процессе нормализации русской речи принадлежит теледискурсу. Доверие русскоязычного социума к телевидению как нормализатору речи все еще остается значительным. Об этом свидетельствуют, в частности, вопросы телезрителей о нормативности конкретных речевых фактов со ссылками на авторитетные, по их мнению, употребления единиц русского языка в речи тележурналистов. Инерция языкового сознания приводит к неоправданной квалификации качества современной речи телеведущих как канонического. Этот перенос факта нормализующей речь россиян функции советского телевидения на экранную действительность нашего времени порождает вопросы о новых нормах. Рядовой носитель русского языка оказывается в зоне неразличения ошибки и новой нормы. На телеэкране постоянно конфликтуют консервативные, стандартные и радикальные нормы. Заметим, что такая ситуация сосуществования на каком-то отрезке времени новых и старых норм типична для языка в целом. В то же время, анализируя

теледискурс, нужно понимать, что мы имеем дело прежде всего с речевыми нормами самого телеэкрана.

Может быть, они менее разнообразны, но все-таки их природа остается речевой, несмотря на то, что прямое нормативное регулирование речи телеведущих, предполагающее использования ими в официальном общении языковых норм, все-таки существует. Из этого следует, что можно говорить о безусловном нарушении языковой нормы в случаях таких употреблений, как *кыргыз, * Кыргызстан, * Молдова, * Башкортостан и т. д.

В приведенных примерах запрет на употребление формы опирается и на языковую традицию (*Молдавия*), и на языковые законы (фонетический запрет на сочетания *-кы, гы, хы* в русском языке, фонетическое неудобство, запрещающее образование форм типа * *Башкортостан*).

Заметим, что красота формы, ее фонетическое удобство имеют для русского языка большое значение. Эстетическая причина запрета на образование формы стоит на третьем месте, сразу после семантической (например, невозможность образования простой сравнительной степени *голый – *голее*) и формальной (*выдающийся – 0*, т. е. образовать невозможно).

Носители русского языка воспринимают сочетания – *кы, гы, хы* как некрасивые, грубые, что и отразилось в запрете на образование форм слов с такими сочетаниями. Ситуация, строго говоря, не уникальная. Аналогичный запрет мы обнаруживаем, например, для формы 1 лица, ед. числа, настоящего времени глагола *пылесосить* или формы мн. числа, родительного падежа существительного *башка*.

Таким образом, это частный случай общей закономерности восприятия языковых феноменов, природа которого коренится в эстетическом компоненте ментальности носителей русского языка.

Телемода на такое, возникшее под действием политических факторов, но запрещенное языковой нормой употребление, уже идет на убыль. Участники межнационального общения начали осознавать тот факт, что толерантнее и корректнее использовать красивую или хотя бы нейтральную форму русского

слова, нежели настаивать на некрасивой с точки зрения русского менталитета и провоцировать нежелательные ассоциации.

Более сложными для интерпретации употреблениями являются такие, ставшие стандартами телеэкрана, как:

1. *Преступник расстрелял в упор троих. Они находятся в больнице. Один – в тяжелом состоянии.*
2. *Иванов совершил двойное убийство: матери и дочери.*
3. *Инновационные практики изучают ученые разных направлений.*
4. *Бывший менеджер рассказал о своем путешествии. Вместе с тем он рассказал о тех городах, которые посетил.*

Во всех этих случаях мы имеем дело с модификацией семантики слова. Для рядовых носителей языка, в том числе образованных, – это как раз зона неразличения новой нормы и ошибки. По типу нормы ее можно считать радикальной. Как известно, нормативные справочники иногда фиксируют норму, к которой языковое сообщество не готово. Такие нормы считаются радикальными.

В современном теледискурсе содержится много речевых фактов, не поддающихся однозначной интерпретации ни по своей природе, ни по степени нормативности. Некоторые из них становятся стандартами употребления только в теледискурсе. Другие – начинают входить в общее употребление. Во всех приведенных нами примерах модифицируется семантика общеупотребительных слов, хотя еще недавно лингвисты были убеждены в том, что общеупотребительные слова обычно не модифицируют свою семантику. Безусловно, в семантических модификациях общеупотребительных слов прослеживается иноязычное влияние. Тележурналист, считая новое употребление модным, игнорирует различия во фрагментах семантики иноязычного и русского слова.

Расстрелянный – для носителя русского языка и русской ментальности не может быть живым, хотя и находящимся в тяжелом состоянии.

Двойной – предполагает обязательный фрагмент семантики «*одного и того же*». Например, *двойное (двойной) виски*. Двойное убийство может представлять собой убийство души и тела одного человека, а вовсе не убийство двух человек.

Существительное *практика* является в русском языке абстрактным, т. е. обобщающим для называемых фактов действительности. Его конкретизация, проявившаяся в образовании формы мн. числа, отражает совсем не русскую ментальность при разграничении дискретных и недискретных предметов мира.

Как обеднение семантики слова можно интерпретировать и употребление *вместе с тем*, нормативно содержащее обязательный компонент противительности, в значении «*наряду с тем*».

Масс-медиа в данном случае делают попытки навязать свою речевую норму русскому языковому сообществу, а через него – языку. При этом тележурналистов нельзя отнести к социальной группе не очень грамотных носителей русского языка, да и сам телеэкран призван служить не социальной розни россиян, а их объединению. Безусловно, телеведущие, как и другие группы русскоязычной интеллигенции, являются носителями среднелитературного типа языковой культуры, по классификации О.Б. Сиротининой [2, с. 32–36]. Интеллигенция в целом, как справедливо отмечал Л.П. Крысин, с начала 21-го века начинает утрачивать высокие качества речи [3, с. 90–106]. Возникает альтернатива кодификации языковой нормы: с сохранением высокого стандарта или с его сознательным снижением. Ориентация на речь носителей элитарного типа речевой культуры ставит вопрос о степени демократичности самого общества. Признание же приоритета демократичности языковых стандартов означает, что языковое сообщество постоянно будет находиться в зоне риска.

Диктат речевых стандартов массмедиа в информационном обществе демократической ориентации неизбежен, а это и есть препятствие на пути выработки языкового вкуса интеллигенции, определяющего нормативные тенденции и нормативные стандарты нашего времени.

Список литературы

1. О состоянии русского языка (материалы почтовой дискуссии) // Русская речь. – 1992. – №2. – С. 48–57.
2. Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски / О.Б. Сиротинина. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2013. – С. 32–36.
3. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л.П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2001. – №1. – С. 90–106.